

УДК 316.334.56; 316.77

Город как социально-коммуникативная конструкция**Козлова Ю.В.**

Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Савченко И.А.

Доктор социологических наук, доцент, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ

Пикунов О.И.

Магистрант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Дается обоснование концепта города как репрезентации массового и индивидуального сознания в культурно-историческом контексте. Рассматривается формирование городской среды как социально-коммуникативного ареала, уточняются социальные признаки и функции города. Развитие общественного городского пространства сопоставляется с эволюцией миропонимания индивида, трансформацией способов его интеграции в общественную систему.

Ключевые слова: город, социальное пространство, коммуникативное пространство, социальная динамика, концепт города, искусственный интеллект, социально-коммуникативная конструкция.

Общество начала XXI в. со всеми его фантастическими возможностями и масштабными проблемами в основе своей является социальным пространством большого города. Индивидуальные и групповые смыслы, транслируемые массовой культурой, во многом созданы коммуникативной практикой в городских сообществах [1]. Поэтому представляется важным выявить культурно-исторические основы проектирования города как социальной и коммуникативной конструкции.

Первые комплексные исследования социальной проблематики города, установок и ценностей социальных групп, социальной мобильности [2], социального взаимодействия и городского образа жизни [3; 4] были осуществлены представителями Чикагской социологической школы. Экспериментальные исследования показали, что городские условия делают коммуникации одновременно избыточными и поверхностными. «... Города обладают большой притягательной силой из-за их разнообразия, насы-

щенности событиями, наличия возможности выбора и стимулирующего влияния их напряженной атмосферы, что для многих людей является желательным жизненным фоном... Большой город предоставляет на порядок больше возможностей для коммуникации... Большой город дает возможность выбора, которого не может предложить ни одна другая социальная структура» [5, с. 32]. Таким образом, можно предположить, что «коммуникативная архитектура города» формировалась на протяжении столетий как продукт циклической коммуникации «человек – группа – общество – мир».

В социологической науке город рассматривается прежде всего в связи с территориальной организацией и разнообразием трудовых процессов, определяющих образ жизни и уровень благосостояния больших социальных групп [3]. Решающее значение имеют его размер, плотность и гетерогенность, так как именно их соотношение вызывает вытеснение первичных социальных контактов вторичными, опосредованными особой информационно-коммуникативной городской средой.

Главным признаком города с позиций классической социологии является наличие регулярных экономических отношений, связанных с разделением труда и правовой регуляцией [6]. Таким образом, городская инфраструктура определяется производством, потреблением и диверсификацией обеспечивающих функций.

Начиная с Георга Зиммеля [4], исследователи все больше рассматривают город как пространство, где активно функционируют различные формы социальных взаимодействий [7; 8]. Городское социокультурное пространство представляет для жителей широкий диапазон форм социализации, акцентирует взаимообусловленность индивидуальности и социума, социального творчества и нормативного регулирования, природных и сконструированных элементов городского пространства. Именно культурное измерение придает объем и динамику понятию «город», выводит его с описательного на системный уровень и открывает возможности построения новой социальной субъектности. Город изучают также и как «мыслительный конструкт», как особый «ментальный образ» [9; 10].

В исторической динамике происходит увеличение численности городского населения, рост количества городов как один из цивилизационных признаков, перемещение городского функционала (защита, кооперация, сохранение материальных и культурных ценностей) из природно-ландшафтной сферы в смысловую, а затем – и в символический континуум. При этом формирование имиджа территорий с их социально значимыми и имеющими культурную ценность объектами направлено и во внешнюю сторону, и к его жителям. Прописка и регистрация людей фиксирует их правовой статус, демографиче-

ские процессы, экономические отношения. Идентификация же своей принадлежности к системе города предусматривает общий для социальной группы набор смыслов и отношений к объектам природы, политики, производства и к самим материальным объектам городской среды. Город – место особого качества, место приобретения идентичности, где природа и архитектура, взаимодействие сообществ, энергия улиц, культура и атмосфера мест, искусство создают уникальное знаковое поле [11; 12].

Локус города находится на пересечении индивидуального (провинциальность, «городское время») группового (традиции) и общественного (стиль управления) [13].

Для формирования образа города как ресурсного представления недостаточно лишь индивидуального опыта и субъективного восприятия, требуется непрерывная активность всей городской общности, контакты с ее носителями [14].

Город, с одной стороны, – воплощение представлений о мире, сходное у современников и достойное быть переданным потомкам, а с другой – динамичная конструкция объединяющих образов, восполняющих личные смыслы и эталоны. Город социален по своей сути и развивается как дополнение к природному и индивидуальному, создавая для человека все новые и новые возможности на условиях социального обмена, согласия и ответственности. В образе города можно условно выделить гуманитарно-географический образ, знаковые места, локальные мифы и истории [15].

Городская среда является структурой, обеспечивающей деятельность человека и моделирующей эту деятельность, архитектура, транспортные потоки, пространства труда, отдыха, общественной активности являются «гигантской каркасной конструкцией», особым кодом [16].

Так, например, густонаселенные для античных времен города Римской империи, входившие в административную иерархию и обладавшие узнаваемой архитектурой, тем не менее существовали в дихотомии стихийного самопроявления природного начала, которое воплощал простой народ, и власти целелеполагающего духа в лице императора. Именно поэтому необходимы были коммуникации формата «герой – толпа», в виде спортивных и военных соревнований, массовых праздников, театра, выступлений певцов, танцоров и поэтов. Эти «избыточные» события составляли содержание жизни города и давали ориентиры для измерения его внутренне-го «надприродного времени». Интересна практика ауспий (птицегаданий), которая обеспечивала взаимосвязь природного и культурного в народном сознании. Процедура основания города и последующая деятельность магистратов была пронизана ожиданием и толкованием «знамений», и разрешающих вердиктов авгура [17].

Средневековые европейские города начинают формироваться по принципу иерархической вертикали, город символизирует «ось мира», акцентирует уникальность каждого момента и каждого жизненного выбора [18].

Город закладывается и развивается на возвышенности, ориентирован по сторонам света, вырастает вокруг замка, монастыря или крепости, в соответствии с прообразом Небесного Иерусалима – центростремительно «вокруг одного». Ландшафтные, геополитические, этнические ресурсы под влиянием властной и церковной иерархии формируют жизнепоток, обеспечивающие военные победы, развитие ремесел, накопление знаний.

Христианская символика унифицирует внутреннее пространство средневекового города и объединяет его с другими подобными. Происходит структурирование времени, упорядочение функций, развивается письменность. Средневековый город построен так, чтобы контролировать сознание и активность масс. Городское символическое пространство направляет от конкретного и преходящего к общему, побуждает соотносить обыденные события с историческим временем и универсальными евангельскими событиями. Именно поэтому развитие архитектуры, прикладного искусства оказываются столь необходимыми и получают поддержку власти и церкви. С ростом численности населения в XIII – XIV вв. города приобретают относительную независимость, обеспечивая защиту горожан, их экономической, культурной, политической жизни, тяготея к структуре «все в одном».

Примечательны широко известные городские легенды, интегрирующие в сознании настоящий момент с прошлыми событиями, с миром архетипов и мифов. Это, например, легенда о тауэрских воронах, которые носят имена скандинавских и кельтских богов и гарантируют благополучие городу и империи со времен Карла II до королевы Виктории и наших дней. На самом деле, ворон – глубинный посткельтский символ, он постоянно присутствует в британской истории и культуре, связывает мир легенд древних бриттов с эпохой Тюдоров, американским романтизмом и русским Серебряным веком. Птицы до сих пор находятся на государственной службе, к ним приставлены смотритель и бифитеры. А легендарные венецианские голуби – псевдосредневековая легенда (XIX в.), благодаря которой библейская символика и средневековая архитектура приобретают повседневное, реальное измерение жизни города-музея.

Русский средневековый город в целом имеет схожие характеристики за исключением дополнительного по отношению к европейскому патернализму идеала божественной мудрости, слияния сакрального и духовного, воплощенного в развитии прочной ассоциации родины, родной земли, страны с богоро-

дичным, женственным и материнским набором символов. Концепция русского средневекового города полагает его не просто местом вокруг храма: город и есть храм, соответственно, и жизнь человека должна строиться так, как если бы он пребывал в единстве с Церковью непрерывно, не только на общих служениях, но и в частной жизни, наедине с собой [19]. Этот принцип неразрывно связан с идеей богоизбранности, сохранившей свое влияние вплоть до XVIII-XIX вв.

В Новое время в связи с интенсивным развитием производства начинается рост городов промышленных и торговых, происходит капитализация общественных отношений, экономические запросы стимулируют развитие науки. Городская среда перестает быть сакральной и становится все более гетерогенной. Возникает та самая хорошо знакомая урбанистическая символика с материальными символами успеха и власти, воплощенными в архитектуре, инфраструктуре и административном устройстве города, которая сохранилась вплоть до Первой мировой войны и начала утрачивать свой потенциал в послевоенные десятилетия.

В отечественной социологии выделяют период интенсивного освоения новых пространств, технологий, развития промышленности и концентрации населения в городах (1920–1970 гг.) и кризисный период, связанный с ослаблением социальных связей и ростом негативных общественных явлений в больших городах, одновременно со стагнацией малых городов [20, с. 103]. Эти процессы усиливались в 80-е и 90-е гг. прошлого века: акцентируются проблемы семьи, экологии, национальной идентичности, самоопределения молодежи в субкультурных группах. Российский город конца XX в. имеет типовую инфраструктуру, площади, памятники, общественные учреждения, типовые зоны застройки, обязательный топонимический набор – все максимально формализовано. Горожанин воспринимает послание этого города как предостережение уходящей империи и с энтузиазмом устремляется в демократическое рыночное будущее, где вариантов значительно больше. Через пару десятилетий потребительской эйфории в городах появляется большое разнообразие фирм и организаций, меняющих как рынок труда, так и рынок товаров и услуг, транслирующих поток информации в городское пространство, меняющих его материальную и коммуникативную архитектуру. Можно говорить о том, что урбанизация в России так и не привела к формированию устойчиво развивающегося экологического, хозяйственного и информационного пространства города, житель которого имел бы возможности реализации потребностей всех уровней, в том числе самоидентификации и самореализации [20, с. 111].

Проблемы «производства смыслов», связанные с деятельностью масс-медиа, вышли во второй по-

ловине XX в. за пределы идеологии, политики или экономики [21]. Конструирование смыслов и их реализация в предметном, символическом, коммуникативном пространстве современного города в настоящее время становится задачей жизнеобеспечения и условием социальной стабильности. Тому есть несколько причин.

Во-первых, в контексте городской среды, в том числе мегаполиса, существует и действует огромное количество людей, именно городскую культуру можно считать приметой второй половины XX в.

Во-вторых, социальная динамика принуждает к повышению мобильности, к ускорению адаптации, к выработке взглядов и способов решения, которые в принципе не были возможны при жизни предыдущих поколений.

В-третьих, рубеж XX-XXI вв. привел к тотальному кризису самой идеи локальной культуры как формы сохранения и передачи общественного опыта.

В-четвертых, происходит трансформация самих форм и способов принадлежности к общественным процессам. От права собственности – к доступу, от целостного миропонимания и мироотношения – к потоку дискретных реакций, от целеполагающей деятельности – к пользовательской, от формирования личностной позиции – к принятию алгоритмов. Такие тенденции являются объективной приметой современности, меняя физический образ города, его восприятие и модели поведения в городском пространстве.

В последние десятилетия город как социокультурная конструкция изучается как в теоретическом плане (это прежде всего – «концепт города» как метатекста, прочтение которого требует владения знаковыми системами из разных областей социальной практики и познания), так и в практическом – создание «умных городов». Проекты таких информационных систем первоначально создавались в футурологическом контексте, но в последние годы становятся направлением разработки системы «искусственного интеллекта», коллективного интеллекта людей, устройств, технологий и природы так называемого «холоса». В структуре «умного города» впервые появляется возможность принятия технологичных решений, которые будут превосходить лучшие решения в реальных управленческих группах.

В итоге общественные службы и объекты социального пространства города постепенно становятся специфическим коллективным продуктом, развивающимся на основе той информации, которую создают жители в процессе решения индивидуальных и групповых задач. Предполагается, что применение этого продукта повысит качество жизни в городской среде. Подобные цифровые проекты реализуются с 2010 г. в Китае, Корее, Израиле, Великобритании, Швеции, Индии, Испании, Украине. В России первыми стали подобные системы для Москвы и Сочи,

в настоящее время подобные проекты активно реализуются городами-миллионниками [22].

Таким образом, город представляет собой модель мира, разделяемую значительной частью общества и реализованную на природно-ландшафтном, предметном, коммуникативном и символическом уровнях [23, с. 232].

Поиск решений социальных проблем во многом связан с выявлением возможностей городской коммуникативной среды, которая в цивилизационном процессе способствовала развитию письменности, искусства, архитектуры, науки и производства, формированию специфической организации жизнедеятельности человечества [24]. Универсальные общечеловеческие ценности и категории интегрируются в уникальную композицию, в соответствии с ориентирами эпохи. Город как социально-коммуникативная конструкция организует и моделирует активность больших общественных групп. Пространство города встраивается в структуры глобальной социальной реальности. В процессе своего жизненного цикла город может подвергнуться обезличиванию или же достигнуть синергии в структуре региона, страны, приобрести новое измерение существования и социальной интеграции жителей.

Литература:

1. Колхас Р. Мусорное пространство. – М.: Арт Гид, 2015. – 84 с.
2. Парк Р. Избранные очерки. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 322 с.
3. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. пер.: [пер. с англ.]. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 243 с.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 3–4. – С. 23–34.
5. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 335 с.
6. Вебер М. Город. – М.: Strelka Press, 2018. – 252 с.
7. Парсон Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2018. – 530 с.

8. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с.
9. Джеймисон Ф. Социология: Энциклопедия. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
10. Соля Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 133-150.
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика XXI, 2011. – 419 с.
12. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // Социология города. – 2012. – № 1. – С. 46-61.
13. Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты // Вестник АГУ. – 2019. – Вып. 4 (249). – С. 181-188.
14. Микляева А.В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: риск личностного благополучия или зона повышенного риска. – СПб.: Речь, 2011. – 160 с.
15. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып 2. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 276-323.
16. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
17. Пожидаева М. А. Общественные ауспicii и авгурии как сакральные действия: сходства и различия // Общество. Власть. Политика: Проблемы современной истории. Сб. науч. тр. – Ярославль, 2005. – С. 25-33.
18. Савченко И.А. Средневековые постсовременности и глобальные трансформации // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 5. – URL: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201310> (дата обращения: 16.11.2020).
19. Солнцев Н.Ф. Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 180–187.
20. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101-113.
21. Запесоцкий А.С. Трансформация культуры: производство смыслов и управление информационными потоками // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 166-171.
22. Официальный сайт Минстроя России, данные по проектам «Умный город». – URL: [https:// minstroyrf.gov.ru/search/?q=умный+город](https://minstroyrf.gov.ru/search/?q=умный+город) (дата обращения: 16.11.2020).
23. Савченко И.А. Интеграционный потенциал межкультурных коммуникаций: диагностика и экспериментальное стимулирование // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 1. – С. 231-236.
24. Пирогов С.В. Социология города. – М.: Новый учебник, 2004. – 208 с.

City as a Social and Communicative Construction

*Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Pikunov O.I.
Linguistics University of Nizhny Novgorod*

The article substantiates the city as a representation of mass and individual consciousness in the cultural and historical contexts, considers the formation of the urban environment as a social and communicative space, social features and functions of the city. The development of public urban space is compared with the evolution of the human worldview and its integration into the social system.

Key word: city, social space, communication space, social dynamics, city concept, artificial intelligence, social and communicative design.

